

– Что тебе подарить на Рождество, дорогая? – спросил за завтраком Игорь.

– Музу! – мрачно усмехнулась Катя и, захватив чашку, ушла в свою комнату.

Муж пожал плечами, допил кофе и вышел из дому, тихо притворив за собой дверь. С таким же успехом она могла бы попросить у него перо синей птицы или хрустальный колокольчик эльфа. Но муза предпочтительнее. Катин роман увяз в диалогах, сюжет окончательно запутался, герои замерли в немых позах, ожидая своей участи. Каждый раз, возвращаясь домой, Игорь наблюдал одну и ту же картину: горестную спину жены перед чистым листом монитора. Вокруг громоздились испитые кофейные чашки. Он подходил к ней и шептал в затылок: «Ну как?», хотя всё было понятно без слов. Катя тяжело вздыхала и уходила на кухню. Творческий тупик грозил перерасти в семейную драму.

Вечером прямо с порога Игорь вручил жене плотный конверт с самолётиком: «На вот. Слетай, развейся. Заодно и музу свою поищешь!».

Спустя сутки, Катя брела по заснеженным улицам любимого города, вдыхая запах влажной балтийской зимы. Она была в Таллине десять лет назад, а казалось, только вчера! Всё вокруг было знакомым, почти родным. Улица Виру в стальных, испещрённых снегом сумерках вела в лабиринты старого города. Сторожевые башни с подслеповатыми бойницами дремали, придавленные грузом веков, как и тогда, словно ничего не изменилось, и не было долгой жизни в промежутке между первой встречей и нынешним свиданием.

Метель не утихала. А Катя всё кружила и кружила по тесным улочкам, угадывая повороты, радуясь знакомым фонарям. Шпиль Ратуши пронзал озябшее небо то слева, то справа. Ветер швырял в лицо горсти сухого, как песок, снега. Неистово вращались и скрипели флюгера. Людей на улицах почти не осталось – редкие прохожие, подняв воротники, спешили домой, к потрескивающим полянками каминам, мерцающим ёлкам. «Пора и мне отдохнуть» – Катя улыбнулась, предвкушая тёплый ночлег и горячий бульон в доме Марты Арнольдовны на улице Пик. Затянув потуже шарф, оглянулась по сторонам: справа маячила едва различимая от выюги башня – самый надёжный в городе ориентир – и бодро зашагала по безымянному переулку...

Но чем дальше она шла, тем дальше удалялась от цели. Снежный песок превратился в мокрые ватные клочья, но даже они не могли рассеять сгустившейся тьмы. Тесные улицы переплетались и убегали в подворотни, переулки утыкались в глухие дворы. Ветер выл и раскачивал тусклые фонари. Как можно было так глупо заблудиться в исхоженном вдоль и поперёк городе?

Свернув за угол, она очутилась на знакомой улице мастерового квартала и с облегчением перевела дух. Скрученные кренделя, увитые змеями чаши, пивные бочонки и голенастые сапоги обозначали цеховую принадлежность находящихся внизу лавок. В этот час все они были закрыты. Лишь единственное окошко светилось в конце улицы – к нему и направилась продрогшая Катя. Вскоре над

её головой повисла раскрытая кованая книга с кружевной надписью: «Прюги и сыновья». Тяжёлая дубовая дверь, заваленная снегом, поддалась не сразу.

Звякнул колокольчик. Навстречу вышел старик с пушистой белой бородой и цепким взглядом спрятанных за стекляшками очков глаз. Казалось, его ничуть не удивило появление ночной гостьи. Шея букиниста была обмотана толстым красным шарфом ручной вязки, которые обычно и вяжутся в такие, как сегодня, ненастные зимние вечера. В руках он держал заложенную пальцем книгу.

– Прошу Вас, – старик нарисовал галантный полукруг свободной рукой.

– Извините, что так поздно, – прошелестела замёрзшими губами женщина. – Вы, наверное, уже давно закрылись. Я только погреюсь немного, если позволите, и уйду.

– Ну, что вы! Не стоит извиняться. Если дверь не заперта, значит, лавка работает, – пропел хозяин, растягивая гласные. – Будем знакомы: пан Прюги. Вильгельм Прюги.

– Катя, – ответила гостья, пожимая сухую, как пергамент, ладонь старика.

– Проходите, не стесняйтесь, – букинист кивнул на растрёпанное плетёное кресло, – а я пока кофейник поставлю.

И скрылся в глубине лавки.

Катя уселась в тёплое гнездо, увитое клетчатым пледом, и осмотрелась. В полутёмной комнате, освещённой лишь масляной лампой, всё было заставлено книгами. Пахло пылью, лежалой бумагой и сладковатым запахом переплётной кожи. Книг было несметное количество. Полки уходили вглубь, в бесконечную перспективу, а сверху упирались в низкие своды горбатого белёного потолка. На рабочей конторке в углу громоздились распухшие папки, бурые конверты с сургучными печатями, стопки вымаранных листов. Позеленевшая от времени бронзовая чернильница с торчащей из горлышка перьевой ручкой дополняла музейную композицию. Женщина пошарила глазами по стенам в поисках выключателя, но не нашла ни его, ни розеток, ни проводов. Только масляная лампа с дрожащим фитилем. Её неровный свет отражался в колбах песочных часов, в потемневшей линзе, застывшей среди бумаг.

Вскоре букинист вернулся с дымящимся медным кофейником в руках. Аккуратно расставил на полотняной салфетке чашки, ложки, серебряную сахарницу, вазочку с горкой печенья и придвинул к столику второе кресло.

– Будем греться, – радостно объявил старик, потирая руки, и налил до краёв две глиняные чашки, одну из которых протянул гостье.

Кофе был обжигающе прекрасным, а мелкие – с монетку – имбирные печенья таяли во рту. Катя окончательно согрелась и успокоилась. Стало вдруг так хорошо, так уютно и легко, будто именно сюда, на эту завьюженную улицу, в эту затерянную во времени книжную лавку она и приехала издалека. А старый букинист давно поджидал её тут, чтобы напоить спасительным кофе.

– Пан Прюги, Вы всегда работаете так допоздна или мне сегодня повезло?

– Видите ли, моя старость – вот причина Вашего везения, – грустно улыбнулся букинист, раскрошив пальцем имбирную крошку. – Я очень мало сплю. Да и времени жаль, его и так осталось не так уж много, – старик покачал головой. – А когда я не сплю, то вожусь с книгами – читаю, реставрирую их, езжу за ними по всему свету... Мне с ними всегда интересно, – он отхлебнул глоток кофе и посмотрел на Катю. – А вот Вы? Скажите, что Вы искали так поздно, в метель на улицах незнакомого города? Вы ведь приезжая, верно?

– Да, я здесь в гостях, – призналась она. – Но Таллин мне знаком, я уже была здесь раньше, правда, очень давно. А теперь, наверное, просто захотелось вернуться в прошлое.

– В прошлое..., – отозвался эхом пан Прюги. – А мое прошлое всё вот здесь, – он обвёл рукой заставленное книгами пространство. – Эту лавку основал мой прадед Томас Прюги. Он был учёным и путешественником, знал латынь, арабский, древнегреческий. Некоторые собранные им книги до сих пор хранятся на этих полках. Дело продолжил его сын, затем внук. Так и повелось. Каждый преемник берёт и пополняет фамильную коллекцию. Лавка передавалась из поколения в поколение, пока очередь не дошла до меня.

Букинист замолчал, устремив невидящий взгляд в пустую чашку, будто пытаясь на дне её отыскать продолжение ускользнувшей мысли.

– Скажите, пан Прюги, а у Вас есть дети? – осторожно спросила Катя.

Старик стряхнул оцепенение и слабо улыбнулся.

– У меня двое замечательных сыновей. Старший, Арнольд – астроном, учёный мировой величины, работает сейчас в Штутгарте. Младший, Вальдемар – моряк, навигатор, прокладывает пути для торговых судов... – улыбка букиниста дрогнула и медленно погасла. – Жаль только, что лавку передать некому. Покойная жена всегда хотела третьего сына, но Бог не дал...

– Не печальтесь, быть может, кто-то из ваших сыновей ещё займётся фамильным делом, – попыталась приободрить старика гостя.

– Мне бы очень хотелось этого, но, увы... – печально проговорил букинист. – Сыновья не разделяют моей страсти к книгам, считают это старческой причудой. Они называют их бумажным хламом. Говорят, что скоро мир переменится, и не останется ничего, что можно будет листать. Книги будут читать на хитрых устройствах, наподобие зеркал.

– Вы имеете в виду планшеты, смартфоны? – подсказала Катя.

Старик поморщился и махнул рукой.

– Лавка не приносит прибыли, я едва свожу концы с концами, – продолжал пан Прюги. – Сыновья не раз предлагали мне продать её или, на худой конец, сдать. Они, в сущности, славные ребята, не забывают про старика, пишут, присылают деньги... И уговаривают меня образумиться. Но как я могу бросить всё, что создано моими предками? Как могу так поступить с книгами? Они ведь живые! – букинист сокрушённо покачал головой.

Кате стало жаль старомодного старика, словно сошедшего со страниц одного из пылящихся на полках фолиантов. То, что он делал, чем жил, для многих действительно покажется пустой суетой, глупой попыткой остановить время. Но, Боже, как она его понимала!

За окном выла метель. Тёмное решетчатое окно сплошь залепило мокрыми хлопьями. Сна не было, как и былой усталости, и Катя решила про себя сидеть здесь до тех пор, пока не надоест хозяину лавки.

Пан Прюги подлил в лампу масло и забрал со стола опустевший кофейник.

– Пойду, сварю ещё кофе. А Вы можете пока осмотреться, полистать книги – здесь много любопытного, – его шаркающие шаги затихли среди книжных башен.

Катя встала с кресла. Комната больше не казалась ей мрачной. Блики от лампы, оживлённой свежей порцией масла, весело заплясали на книжных корешках. Она двинулась вдоль полок, касаясь пальцами тусклых надписей на обложках. Тонкая пыль оседала на руках разноцветной пудрой. Стеллажи были бесконечными – эта лавка не так уж мала, как казалось снаружи! По углам мерцали такие же масляные лампы, что и у стола. Свернув за угол, Катя увидела узкую деревянную лестницу, ведущую наверх. Она была так тесна, что больше походила на приставленную к полке стремянку. Женщина храбро вскарабкалась по ступеням и обнаружила новые ряды стеллажей, потолки стали выше, а проходы уже. О, да тут есть второй этаж! Глаза разбегались. На полках теснились древние фолианты, увесистые тома и обтянутые кожей манускрипты с арабской вязью, собрания сочинений великих классиков и перевязанные бечёвкой бумажные кипы безымянных рукописей. Здесь были книги ветхие и относительно крепкие, необъятные и карманные, украшенные драгоценными камнями и переплетённые в простой картон, с разноязыкими надписями на корешках и вовсе без них... Настоящее книжное королевство!

Между тем лестница уперлась в стену. Катя провела рукой по шершавой поверхности, но ничего кроме пыли и истлевшей паутины не нащупала. В мягком полумраке проступила новая лестница, потом другая, третья... Где они пересекались, как сообщались между собой? – непонятно. От увиденного закружилась голова, и Катя испугалась, что может заблудиться здесь точно так же, как в уличных лабиринтах старого города. Осторожно спустилась по скрипучим ступеням обратно к столу.

Там её уже поджидал пан Прюги. Кофейник весело пытел паром, дразнил ароматом кофе и корицы. Старик был оживлён, от прежней грусти не осталось и следа.

– Знаете ли Вы, Катя, – начал он, разливая кофе по чашкам, – у каждой книги есть душа. Её бумажная оболочка так же, как и человеческое тело переживает рождение, взросление, старение и смерть. Рано или поздно книга рассыпается в пыль, пожирается гнилью, а иногда заканчивает жизнь преждевременно в огне, воде или под лезвием ножа. Книжная душа может переселиться под другую обложку, а может навеки затеряться в безграничных просторах книжной Вселенной.

– Но ведь есть ещё электронные книги – они-то бессмертны, разве нет? – возразила гостья.

Букинист брякнул кофейником о стол и метнул в неё полный негодования взгляд.

– Вы, верно, говорите о тех дьявольских устройствах, о которых толкуют мои сыновья? – воскликнул старик. – Так вот, знайте; они не бессмертны, они не рождены вовсе. Их нет! В мире, куда людские души приходят, облачённые в плоть, и книги должны жить так же, подчиняясь общим законам мироздания. Всё остальное от лукавого.

От неожиданности Катя вздрогнула. Взгляд лавочника смягчился.

– Нравится ли Вам кофе? – спросил он.

– Да, очень! – пролепетала гостья.

– А какой он?

– Кто?

– Кофе!

– Кофе?

– Да, кофе! Опишите, какой он? – пан Прюги склонил голову набок.

– Ну.., во-первых, он горячий, – улыбнулась Катя, оттягивая ворот свитера. – Во-вторых, невероятно вкусный, густой, с пенкой – как я люблю!

– Дальше! – потребовал букинист.

– Пахнет корицей и.., – женщина глубоко вдохнула из чашки, – кардамоном?

Старик утвердительно кивнул.

– Что ещё? Он чёрный, без сливок. В кружке выглядит точно как расплавленный сургуч!

Сравнение пришлось по душе лавочнику, он даже крякнул от удовольствия.

– Ещё мне нравится, как хрустит и тает во рту печенье, размягчённое маленьким глотком напитка. Как булькает кофейник, подливающий в чашку новую порцию, как тренькает ложка о блюдец, как колышется тёмное пятно на дне. Даже капли на скатерти мне тоже нравятся, хотя Вам, наверное, не очень.

Пан Прюги небрежно махнул рукой.

– Да, и главное: кофе такой крепкий, что мне до сих пор не хочется спать, – завершила рассказ Катя, поставив пустую чашку на стол. – Поэтому если Вы устали, не стесняйтесь выпроводить меня вон!

– Вот видите, как много всего можно рассказать о кофе! – заметил букинист. – При условии, конечно, что это живой кофе, – он сделал ударение на слове «живой». – У моего друга, аптекаря Тыниса, есть заморская таблетка. Если её принять – не уснешь три ночи кряду. Чем не кофе?! И посуду мыть не надо! И не сбегит, если проморгаешь! Променяете Вы его, – старик потряс медным кофейником, – на чудо-таблетку?

– Нет, ни за что! – горячо возразила Катя.

– То-то же! Так и с книгой. Живая книга и звучит, и пахнет, и дышит.. Её можно потрогать, понюхать, услышать. Рассмотреть под лупой каждую букву и морщинку на корешке. Её смакуешь, как превосходный кофе, и никому в голову не придет заменить её суррогатом, – лавочник ласково погладил ладонью потрёпанный том на коленях.

Книги на полках дружно зашелестели, заскрипели корешками, зашуршали страницами, соглашаясь со словами букиниста. В носу у Кати зашипало то ли от вековой пыли, то ли от распирающей нежности к упрямому старику, то ли от жалости к себе, заплутавшей в лабиринтах старого города и собственной судьбы... Ей вдруг захотелось довериться букинисту, как в детстве доверяешь сокровенные тайны бородатому волшебнику из сладкого утреннего сна. Немедленно рассказать ему обо всём: и об ускользнувшей музе, и о застрявшем на полпути романе, и о муже, выставившем её за дверь...

– Хотите знать правду? – глаза гостьи горели решимостью.

– Да я её знаю, – буднично ответил старик. – Вы – писательница, приехали в Таллин за вдохновением. Что ж, путешествие, а тем более возвращение в любимый город – лучший способ одолеть творческий тупик, всё верно. Ваш муж догадался об этом раньше и отправил Вас в путь. И вот Вы здесь.

– Откуда Вам это известно?! – оторопела Катя.

– Из книг, – невозмутимо ответил букинист. – В них всё записано. Каждая мысль, каждое чувство,

каждое движение души... Надо только найти нужную книгу, – он пристально посмотрел на гостью поверх очков.

– И что же мне теперь делать?

– Возвращаться домой! – усмехнулся в бороду старик. – Считайте, Вы нашли то, что искали.

Пан Прюги вытащил из конторки лист вошёной бумаги и стал заворачивать в него чашку, прямо с застывшей на дне кофейной гущей. Потом вытащил из бронзовой чернильницы старомодное перо, отёр его о клочок бумаги и сунул туда же в сверток.

– Чернила купите сами, подойдут любые.

– Зачем?

– Зачем? Чтобы писать первый абзац, – терпеливо разъяснил старый букинист. – Напишите несколько предложений, а дальше можете продолжать как Вам удобней и привычней.

Услышав в глубине лавки глухой бой настенных часов, старик засуетился и поспешно скрепил пакет шоколадным сургучом. Поставил фамильный оттиск с развёрнутой книгой и сунул подарок Кате в руки.

– Кофе теперь будете пить из этой чашки. Мыть можно. Только ничего другого сюда не наливайте... А теперь, простите, я очень устал, – и тяжело опустился в кресло.

Только сейчас Катя заметила, что тьма за окном рассеялась, небо налилось предутренним зеленоватым светом. На лице букиниста залегли глубокие тени – стало видно, как он стар, и как устал. Гостья сбивчиво попрощалась, отодвинула наметённый снаружи сугроб и вышла на улицу.

...Метель давно стихла, оглушительная тишина накрыла спящий город. Очень скоро Катя добралась до улицы Пик, легко отыскала дом, проскрипела по лестнице на чердак и вставила бородатый ключ в замочную скважину. Дом спал. Лишь пепельная кошка, громко зевнув, шмыгнула в кухонную дверь. Ну и ночь! Такая короткая и такая длинная... Положив пакет с подарком на подоконник, женщина рухнула в кровать и мгновенно уснула.

Ей снился сон, в котором она блуждала в сумрачном книжном лабиринте. Узкие лестницы, уходили то вверх, то вниз, упирались в глухие стены, обрывались и взмывали отвесно к потолку. Иногда Катя ходила, словно муха, головой вниз, но это её ничуть не смущало. Керосиновые лампы водили вокруг неё хороводы. Книги трепетали страницами и тоненько поскрипывали: «Я живая! И я! И я тоже!». Пузатый кофейник кружился и ускользал из рук, дразня соблазнительным ароматом. Аромат щекотал ноздри, становился всё ярче, пока окончательно не разбудил её. Из кухни доносился запах свежесваренного кофе.

Увидев гостью целой и невредимой, Марта Арнольдовна всплеснула руками и запричитала, мешая русские и эстонские слова.

– Ну, наконец-то! Как ты? Где ночевала? Всё ли в порядке? Вчера была такая злющая метель! Я волновалась.

– Извините меня, Марта Арнольдовна. Задержалась у знакомого. Было уже поздно, я не стала будить Вас звонком. Так и проговорили всю ночь.

– Знакового? Хм! У тебя разве есть знакомые в Таллине кроме меня?

– Теперь есть. Вчера познакомились. Ночью. Возможно, Вы его знаете, он примерно Вашего возраста. Пан Вильгельм Прюги – букинист, владелец лавки в мастеровом квартале.

Старушка застыла с джезвой в руках.

– Ты ничего не путаешь, детка? – она смотрела на гостью с тревогой. – Лавка Прюги существовала когда-то, это правда. Но закрылась с полвека тому назад.

– Не может быть, – прошептала Катя.

– Жена пана Прюги умерла, когда я была ещё студенткой. Сыновья давно разъехались кто куда. самого же Вильгельма не стало... дай-ка вспомнить...

– Пойдите! Как же так? Я всю ночь просидела в его лавке, проговорили с ним до утра. Там ещё вывеска такая старинная: «Прюги и сыновья».

– Ну да, правильно, есть такая вывеска. Только самой лавки давно уж нет.

– Но я видела Вильгельма так же, как сейчас вижу Вас!

Старуха озадаченно покачала головой.

– Не верите? Он лично вручил мне подарок, – Катя помчалась наверх, чтобы показать хозяйке пакет с печатью.

Схватила вощёный сверток и стремительно скатилась по лестнице вниз.

– Вот! – она ткнула пальцем в фамильный отгиск на сургуче.

– Где ты это взяла? В магазине сувениров? На барахолке?

– Да нет же, пан Прюги сам мне подарил! – женщина разломала сургуч и стала лихорадочно разворачивать скользкую обертку.

В мятой бумаге лежала немытая чашка и старое перо.

Марта Арнольдовна осторожно, двумя пальцами взяла чашку и поставила её в раковину, потом принялась задумчиво рассматривать перьевую ручку с позеленевшим кончиком.

– Такой ручкой лет сорок назад я заполняла бланки на почте... Сейчас такими уже не пишут, – и посмотрела на Катю с глубоким сочувствием.

Она ей не верила. Под взглядом Марты Арнольдовны женщина и сама усомнилась в реальности сегодняшней ночи. Но чашка и перо, раскрошенный сургуч на вощёной бумаге утверждали эту реальность, пусть такую немыслимую. Схватив куртку, Катя выбежала на улицу Пик.

Старый Таллин готовился к Рождеству. Запруженные людьми улицы сверкали огнями и пахли мандаринами. На Ратушной площади гудел рождественский базар. Кроме оленей, золочёных шишек, ангелов и увитых лентами венков на развалах попадались любопытные вещицы. Был там и пузатый медный кофейник с крышечкой на носу, и масляная лампа, и песочные часы с пылью в потемневших колбах. Старые карты, древние книги, кружевные салфетки, глиняные чашки, вязаные шарфы... Если бы Катя встретила здесь пана Прюги, то нисколько бы не удивилась – так органично вписывался старый букинист в очаровательный хлам блошиного рынка. Но старик, наверное, отдышал после бессонной ночи. Она не станет его будить – только посмотрит на дверь лавки и удостоверится, что всё в порядке.

Вот и мастеровой квартал. Из двери булочной сладко пахнуло ванилью. Пивной бочонок, скрученный крендель, голенище сапога... Ещё два шага – и раскрытая кованая книга повисла точно над Катиной головой. «Прюги и сыновья» – прочла она вслух. Однако вместо тяжёлой дубовой двери перед ней была ослепительная витрина. Сотни ламп ярко освещали разноцветный пластик и сверкающий металл. Двери бесшумно раздвинулись – Катя очутилось в режущей глаза тесноте. Смартфоны, планшеты и прочие гаджеты демонстрировали идеальные, неподвластные времени формы. Хирургическая чистота – нет ни пыли, ни паутины, никаких тёмных углов и таинственных лабиринтов. Ничего из того, что видела она ночью! Следовательно, и бесконечные книжные стеллажи, и плетёное кресло, и кофе с имбирным печеньем, которым угощал её пан Прюги – не более чем плод её фантазии. Приснилось? Пригрезилось? Метелью надуло?.. А как же тогда чашка и старое перо? Со временем Катя вспомнит, что купила их на блошином рынке. Если не вспомнит – то поверит. Если не поверит – то забудет...

Женщина вышла на улицу, распахнула куртку и подставила лицо падающим с неба снежинкам. Старый Томас на шпиле Ратуши на мгновение замер и помахал ей рукой. «Пора домой!» – решила Катя. И словно вняв её мыслям, требовательно зазвенел телефон.

– Я соскучился, – голос Игоря был нежен.

– Я тоже.

– Ну что, встретила музу?

– Кажется, да.

– Тогда приезжай скорей.

...С тех пор Катя пьёт кофе из любимой глиняной кружки. А первый абзац пишет старым пером, макая его в фиолетовые чернила. Игорю она сказала, что с паном Прюги её познакомила Марта Арнольдовна в ту самую вьюжную ночь, когда количество выпавшего снега побило все рекорды века. Сама же изредка встречается с букинистом во сне. Старик всегда приходит в гости с пузатым медным кофейником. Вместе они гуляют по книжным лабиринтам и ночным улицам старого Таллина. Катя так же, как и её друг, верит, что у книг есть душа. И что настоящая бумажная книга, несмотря на тленную оболочку, бессмертна...